

Знающие этого недоумка с детства говорили, что если бы целую бутылку самогонки грешнику налили, то за такое угощение он кого угодно готов был утопить, не то что щенячий приплод.

Сам Паршик по своему поведению был весьма близок к бродячим собакам. Также слонялся с утра и до вечера без дела. Сидел по чужим лавкам и завалинкам, а когда кто-то начинал выговаривать ему по поводу его вечной непутёвости, то, как и бродячие существа, огрызался и начинал вспоминать жизненные грехи осуждавших его. Ну чем не бродяжка? Разве что немехнатая.

Атаман хутора Швечикова Тимофей Богучарсков считал разгул бродячих свор в своём юрте величайшим непорядком и, как мог, с их нашествием боролся.

Сколько раз ему приходилось слышать от разъярённых домохозяек крики о том, что у них затоптали грядки на огороде и уничтожили только что прижившуюся рассаду. А уж когда бродячие твари попадались душисть и таскать приплод от домашней птицы: гусей, уток и кур, тут уж атаману за бездействие досталось. Особо крикливые казачки сводили счёты за старые обиды и не стеснялись в выражениях:

- Понавыбирали атаманов, а к ним — помощников с писарями, а навести порядок даже с бродячими псами не могут.

Особенно жители возмущались собачьими свадьбами прямо на майдане, да и во всех других важных хуторских местах.

Тимофей дал команду разгонять эти безобразные сборища. Но что поделаешь с могучим зовом природы? И они возникали вновь и вновь. С самого утра, когда солнце только поднималось над Донцом, бродячие ватаги собирались на пригреве на окраине хутора. Потом, следуя друг за дружкой, обследовали все улицы и проулки и, пронюхав запах свежей крови, бежали со всех ног туда, где забивали домашнюю животину, или на усадьбу к тому же Сом Сомычу, главному хуторскому рыбаку — вдруг какой кусок на выброс и им достанется. Тут же вспыхивал бой между лохматыми ордами. Лай, визг, скулёж! И сразу становилось понятно, что не всем удавалось разжиться на дармовщинку.

Одну из своих лежек бродячие собаки облюбовали между церковью и лавкой торгового казака Карапыша. Грелись на солнце, оскаливали зубы на ругающихся на них прохожих. А во время воскресной обедни, услышав звон колоколов, сопровождали его таким громким лаем, что вызывали бурно выражаемое недовольство верующих, особенно отца Евлампия. Надо было что-то срочно делать. И атаман это понимал.

Для начала продиктовал писарю распоряжение и приказал повесить его на доске объявлений на хуторском майдане. Казаки подходили и читали:

«Для обеспечения мирной и спокойной жизни граждан хутора Швечикова довести до каждого проживающего, что отсутствие надзора за своими собаками есть нарушение установленного порядка и виновные будут привлекаться к ответственности. Опознанных собак разобрать по дворам и посадить на цепи. Собак, по которым установлена их непричаст-

ность к хуторским обывателям, отлавливать и препровождать в правление для принятия мер».

Через пару дней хуторской атаман пошёл дальше и распорядился при участии своего помощника, писаря и привлечённых малолеток провести перепись всего собачьего поголовья, обитавшего в Швечикове. Тут уж смеха и кривотолков было куда больше, чем после вывешивания объявления.

Недоумение было понятным. Что такое людская перепись — ясно, это когда людей переписывают. Конская

стаков, разглядев эту таблицу, стал сомневаться:

- Ну пол собачий определить мы сможем, несильно это заумное дело. Масть тоже пропишем. Фамилию хозяина проставим, не отвертятся. А как возраст будем определять? По зубам что ли? Они ж не лошадки, пасть раскрыть не дадут. Так можно и без руки остаться.

Атаман без долгих раздумий ответил:

- Ничего, справимся. Привлечём, кого надо, того же Паршика. Правда,

Картина Сергея Васильковского «Казачий двор». 1892 год.

Старая собачья будка.

перепись — когда всех лошадок берут на учёт, сельскохозяйственная — когда считают домашний и рабочий скот, посевы и инвентарь. А тут собачья перепись? Не бывало никогда такого!

Атаман спокойно и с достоинством отвечал:

- Не было, значит, будет. И мы, швечиковцы, первыми собачью перепись проведём. Можно сказать, что во всём нашем Донском войске. Посчитаем, доложим обществу и примем меры, опираясь на цифры этой самой переписи.

Ничего не поделаешь — распоряжение надо выполнять.

Хуторской писарь разлиновал листы шнуровой книги и указал всё, как положено: номер по порядку, фамилия домохозяина, количество собак, отдельно — кобелей и отдельно — способных к размножению морд противоположного пола, масть, примерный возраст и обязательно примечание.

Помощник атамана, урядник Ше-

придётся из своего атаманского фонда выделить ему поощрение, в натуральной, так сказать, форме, но чего не сделаешь за ради общественного интереса.

Наутро процессия из атамана, его помощника и писаря двинулась по хуторским улицам, а во дворы заходил Паршик с малолетками, и они пересчитывали домашних собак, попутно гоняясь за бродячими. Никого из них в правление доставить не удалось, как они ни старались.

К концу дня таблица была заполнена, и писарь доложил все сведения о наличии хуторского собачьего поголовья. По подсчётам получилось, что сколько было домашних лохматых и гавкучих, столько же и бродячих. Писарь глубокомысленно изрёк:

- Упустим такое дело, и через пару лет особачится хутор. Людям негде будет пройти. Того и гляди, в наши курени заселятся и гавкать отсюда на нас будут.

Пока атаман раздумывал, что ему делать, исходя из таких неутешительных результатов собачьей переписи, случилось происшествие, которое всё расставило на свои места.

Большая свора бродячих собак напала на девочку, которая бежала по улице к своей крёстной матери и в старом платке несла гостинчик — колечко домашней колбасы. Когда это колечко оказалось в зубах жоака, то за ним погналась часть стаи в надежде тоже поживиться, а оставшиеся собаки стали рвать пропахший колбасой платок и одежду девочки, а потом даже сильно покусали ребёнка.

Дальше такое терпеть было нельзя! Тимофей Богучарсков тут же собрал в хуторском правлении охотников и установил таксу: за одну убитую бродячую собаку — комплект снаряжения, а это порох, пыжи и дробь на три патрона. А чтобы они были поговорчивее, при этом добавил:

- Среди этой собачатины, возможно, есть и те, что с бешенством. Но поскольку определить это достоверно невозможно, будем уничтожать всех.

На следующее утро атаман выстроил свою охотничью команду и распорядился:

- Идём, как в атаку, двумя лавами. Захватываем верхнюю часть хутора и продвигаемся к нижней. На усадьбы не входить. Собак стрелять только на улицах и в проулках. Как только на майдане сойдёмся, отнесём их по проулку к Донцу и там на свободном месте безо всякой опасности добиваем. Потом всё отребье грузим на телеги и айда к балке. Малолетки там уже окоп для стрельбы стоя выкопали.

Ранним утром на рассвете загремели выстрелы над Донцом. Охотники заранее присмотрели, где у бродячих свор были лежбища, и застали их врасплох.

После такой утренней побудки бродяжничество среди собак было пресечено в корне. Одни загнули и были вывезены и закопаны в отножине ближней балки, другие, обезумев от страха, разбежались по округе и даже переплыли через Донец, подальше от опасности.

Некоторые хуторяне роптали по поводу этой, как они говорили, безжалостной собачьей бойни. Другие, наоборот, одобрили решительный поступок атамана:

- Что вы, жалельщики, сокрушаетесь, а если бы девочку загрызли на смерть?

Так той весной количество собак, не имевших хозяев, в хуторе сильно поубавилось. Однако старожилы понимали, что это ненадолго.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России

Примечание: 1. Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

2. Автор не одобряет описанных методов уменьшения числа бродячих собак в населённых пунктах и просто осветил один из исторических фактов, произошедших в нашем крае более ста лет тому назад.

